

Глава 26.1

Среди всех ремёсел именно ломбарды издавна обладали наибольшей властью. В других торговых заведениях, как бы хорошо ни шла продажа товара, покупателей всё равно встречали приветливо, с улыбкой и учтивостью. В ломбарде же всё было наоборот: сюда приходили закладывать имущество, по сути, умоляли хозяев дать хоть какую-нибудь справедливую цену, уже изначально оказываясь в слабом положении.

Хозяева лавок ещё могли позволить себе холодное равнодушие, но настоящее высокомерие исходило от оценщиков в ломбарде. Те нарочно делали вид, будто им совершенно безразлично, брать вещь или нет, словно всё зависело исключительно от их прихоти. А затем безжалостно принижали значимость предмета, чтобы с лёгкостью сбить цену как можно ниже.

Гер Цин уже бывал в ломбарде вместе с Мяо Ши. Много лет назад его отец тяжело заболел, и все сбережения семьи почти полностью иссякли. Урожай в полях ещё не созрел, а деньги были срочно нужны. Обойдя всех родственников и знакомых и заняв у каждого, у кого только можно, они всё равно не собрали нужной суммы.

Тогда Мяо Ши решила заложить два толстых хлопковых одеяла, чтобы купить лекарства. Она взяла с собой именно гера Цина и отправилась с ним в город.

Гер Цин своими глазами видел, как властная и грозная Мяо Ши, державшая в страхе весь дом, внезапно стала робкой и заискивающей перед оценщиком ломбарда. Он также видел, как тот без тени жалости обесценил два крепких, почти новых одеяла и в итоге предложил лишь половину той суммы, на которую рассчитывала Мяо Ши.

В самом ломбарде она не осмелилась спорить и была вынуждена согласиться. Зато по дороге домой она выплеснула всё своё негодование на гера Цина, браня его без остановки всю дорогу.

На этот раз гер Цин закладывал серебряные украшения. В отличие от одеял или домашней утвари, у которых не было чёткой рыночной стоимости, серебро обладало собственной, неоспоримой ценностью. Как бы ни старались в ломбарде занизить стоимость, неужели они осмелятся предложить меньше самой цены серебра?

Однако он не знал, до какой степени может дойти оценщик.

Пожилой оценщик лениво скользнул взглядом по геру Цину, затем внимательно осмотрел три серебряных украшения на подносе и тут же насторожился.

Помимо бедняков, у которых не было иного выхода, кроме как обращаться в ломбард, существовала ещё одна категория постоянных клиентов: воры.

Для искусных мастеров своего дела это не представляло проблемы, но мелкие воришки, не имевшие связей и каналов сбыта, часто не знали, куда деть краденое, и в итоге несли его именно сюда. Если бы они попытались продать такие вещи на рынке и были бы узнаны владельцами или властями, последствия были бы крайне серьёзными.

Оценщик, особенно за которым стояли влиятельные покровители, умел разбираться с подобными товарами. Открыто идти против властей он не мог, зато мог тайно подменить краденые вещи и переправить их в далёкие места, где прежним хозяевам было бы практически невозможно их отыскать.

А потому за такие «сомнительные» предметы оценщик безжалостно сбивал цену. Если

удавалось получить хотя бы двадцать-тридцать процентов от их реальной стоимости, это уже считалось великой удачей.

Три серебряных украшения, принесённые гером Цином, были не слишком тяжёлыми, но были выполнены с большим мастерством и выглядели почти новыми. Они явно не подходили человеку, одетому так бедно, как он, и не походили на старинные семейные реликвии, передаваемые из поколения в поколение.

Поэтому оценщик без колебаний решил, что эти вещи добыты нечестным путём.

И в каком-то смысле он был не так уж далёк от истины — эти украшения и вправду не были получены гером Цином обычным путём. Если бы не та странная горная пещера и выпавшая ему необыкновенная удача, при их семейном положении он ни за что не смог бы заполучить такие изысканные вещи.

Так работал наметанный глаз опытного ломбардного оценщика. Шэнь Цин больше походил на бедного, перебивающегося с трудом гера из нищей семьи, а не на бывалого уличного вора. Возможно, это была всего лишь его минутная слабость.

Оценщик ещё выше задрал нос — не потому, что не желал принимать краденое, а потому, что намеревался сперва припугнуть юнца, а потом небрежно бросить ему несколько монет и тем самым закрыть сделку.

Гер Цин не знал, какие планы строит оценщик, но он уже подготовил правдоподобную историю. Точно так же, как и в разговоре с тётушкой Чжэн в лавке, он понимал, что в будущем ему ещё не раз придётся врать, а значит, пора привыкать к этому заранее. Осознавая свою неумелость в разговорах, он заранее продумал все возможные объяснения.

«Это часть приданого, которое семья приготовила мне несколько лет назад. Но дома случились кое-какие неприятности, и свадьба так и не состоялась. Мне эти вещи сейчас ни к чему, а в семье есть больной, срочно нужны деньги, вот я и принёс это сюда».

Он думал сказать, что это приданое его матери, которое теперь надо заложить, потому что семья больше не сводит концы с концами. В конце концов, у Мяо Ши среди свадебных вещей действительно был серебряный браслет. Однако он был куда легче и гораздо проще по работе. Это было тонкое серебряное украшение весом всего три-четыре цзя, которое Шэнь Чжигао давным-давно заложил ради выпивки.

Поскольку два серебряных браслета и замковидная подвеска, которые были у него сейчас, выглядели слишком новыми, чтобы сойти за старинные семейные реликвии, логичнее всего было выдать их за собственное приданое. Гер Цин считал, что продумал всё до мелочей — какие бы сомнения ни возникли, в его словах трудно было найти серьёзные неточности.

В конце концов, в семьях, которые дорожили дочерьми или герами, было принято готовить к свадьбе одну-две серебряные вещицы.

Выслушав объяснение гера Цина, оценщик явно ему не поверил, вернее, он просто не захотел принимать ответ, не совпадавший с его ожиданиями. Приподняв бровь, он пристально оглядел гера Цина и сказал: «Судя по одежде и сложению, ты не похож на человека из семьи, способной приготовить столь дорогое приданое».

Гер Цин имел телосложение человека, привыкшего к тяжёлому крестьянскому труду. Какое зажиточное семейство позволило бы гонять гера по полям?

«К тому же я никогда не видел такого узора на браслетах. Ни в одной ювелирной лавке нашего уезда таких не делают. Говори правду! Где ты это взял на самом деле?»

Их ломбард поддерживал связи со всеми ювелирными лавками в городе, а серебряных дел в округе было всего несколько. Их умения ограничивались парой знакомых образцов, и никто из них никогда не создавал ничего подобного.

Гер Цин почувствовал досаду. Он был уверен, что его прикрытие безупречно, но несколькими колкими замечаниями оценщик легко указал на слабые места. Его неопытность в мирских делах вылезла наружу!

В то же время он не мог понять, это ведь была самая обычная сделка: товар за деньги. Почему этот человек так упорно пытается докопаться до происхождения вещей?

Когда гер Цин не ответил сразу, оценщик решил, что сумел запугать его и заставить замолчать. Самодовольно усмехнувшись, он продолжил: «Таких, как ты, я видел немало. Один миг глупости — и вот уже не знаешь, куда девать то, что тебе не принадлежит... Хм. Если у вещи сомнительное прошлое, лучше признаться сразу. Я ещё могу помочь всё это замять. А что касается цены... Если ты и дальше будешь упираться и скрывать правду, а однажды сюда нагрянут власти, это будет уже не только твоя беда — мне тоже достанется!»

Это был его излюбленный приём: вперемешку угрозы и посулы. С любым другим гером, даже если вещь вовсе не была краденой, он бы без труда справился — тот бы растерялся, запаниковал и не сумел бы себя защитить. А дальше оценщик мог называть любую цену, какую вздумается.

Но, к несчастью для него, на этот раз ему попался гер Цин.

«При чём тут власти? Что значит „вещь, которая мне не принадлежит“? Скажите прямо — что вы имеете в виду?»

Гер Цин на мгновение задумался, сопоставляя услышанное, и, поняв скрытый смысл слов оценщика, пришёл в ярость. Речь шла уже не просто о происхождении украшений — это было прямое оскорбление его чести!

Даже когда он голодал, когда желудок сводило от пустоты, он ни разу не украл ни единого огурца с чужого поля и не взял брошенного яйца из соседского курятника. Вместо этого он рисковал жизнью, поднимаясь в горы в поисках еды.

Даже в том, другом мире, он брал лишь то, что никому не принадлежало, — вещи, оставшиеся после мёртвых. Стоя перед теми лавками, он и порога-то не переступал!

Гер Цин всегда жил по совести. С какой стати ему терпеть подобную клевету от какого-то ломбардного оценщика?

Он коротко, недоверчиво усмехнулся: «Значит, вы утверждаете, что я их украл? У вас есть хоть какие-то доказательства?»

Оценщик криво ухмыльнулся, в его глазах мелькнул насмешливый, всезнающий блеск, словно он и без слов видел гера Цина насквозь. Это молчаливое высокомерие лишь сильнее разозлило гера Цина.

Несмотря на ярость, он понимал, что спорщик из него никудышный, как и говорила У Гуйсян.

К тому же они находились в городе, на территории ломбарда — затевать скандал было бы себе дороже. Пришлось проглотить обиду.

Пока что.

Он стиснул зубы, подавляя гнев, и его лицо помрачнело.

□«Если вы считаете, что вещи краденые, и боитесь рисковать, тогда просто не принимайте их. Вот и всё».

Он шагнул вперёд и встретился с оценщиком взглядом.

□«В городе не один ломбард. Я пойду в другой. Я пришёл вести дела, а не терпеть оскорбления».

Оценщик на мгновение растерялся. Он не ожидал, что этот гер окажется таким спокойным — да ещё и осмелится возражать. Однако отпускать добычу ему всё равно не хотелось. Он удерживал один из браслетов, разрываясь между подозрением и жадностью.

В конце концов, узор был куда тоньше и сложнее того, на что были способны местные серебряных дел мастера. Пусть он и не дотягивал до высочайшего уровня столичных ювелиров, для такого захолустного уезда это было нечто выдающееся. Продать его можно было с большой выгодой.

Увидев в глазах гера Цина открытое неповиновение — чистый гнев без малейшей тени вины, — оценщик засомневался. А вдруг он и впрямь ошибся?

Мысль о том, что такая ценная вещь ускользнёт у него из рук, была для него словно гвоздь, застрявший в горле.

Тем временем гер Цин начал терять терпение. Поведение оценщика казалось ему нелепым: если тот считает украшение краденым, то почему до сих пор не выпускает его из рук?

«Что это значит? Вы хотите объявить мою вещь краденой и присвоить её себе? Верните немедленно. Если вы и правда считаете, что она краденая, сообщайте властям — я не боюсь. Но если вы не возвращаете вещь и при этом не обращаетесь к властям, тогда это сделаю я! Посмотрим, как весь город отреагирует, узнав, какими тёмными делишками вы тут занимаетесь!»

Гер Цин нащупал нечто близкое к истине. Оценщик, конечно, не собирался открыто присваивать украшения, но планировал сбить цену до смешного и забрать себе основную выгоду.

После столь решительных слов стало ясно: замысел оценщика провалился.

Ни поза, ни речь гера Цина ничуть не напоминали поведение вора. На самом деле оценщику было всё равно, краденая ли вещь — он просто хотел сбить цену как можно ниже. Но раз уж запугать гера Цина не удалось, признать свою неправоту он тоже не собирался.

С мрачным видом он наконец отпустил браслет.

□«Думаешь, стоит тебе это сказать — и сразу всё станет правдой? Мы обязаны быть осторожными с тем, что принимаем. Не можешь же ты винить нас за расспросы».

Гер Цин больше не собирался играть по его правилам: «Если вы считаете, что вещь краденая, тогда не принимайте её. Сообщайте властям. Я подожду здесь».

<http://bllate.org/book/14994/1356070>